

**О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКЕ
ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА
(в сопоставлении с английским и другими языками)**

*Работа представлена кафедрой общего и сравнительного языкознания.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Г. Гюльмагомедов*

Проведен сопоставительный анализ семантического состава поэтической лексики лезгинского и английского языков на основе сравнения тематических групп. Выявлены сходные черты и принципиальные отличия их поэтического мировосприятия. Различия поэтической картины мира отражают национально-культурные особенности двух народов. Проведенный анализ подтверждает наличие этнической маркированности лексической системы в целом.

Ключевые слова: *поэтическая лексика, семантический состав, национально-культурные особенности, английский и лезгинский языки.*

Z. Efendiyeva

**ON THE NATIONAL AND CULTURAL SEMANTICS
OF THE POETIC VOCABULARY OF THE LEZGIN LANGUAGE
(in comparison with English and other languages)**

The comparative analysis of the semantic structure of the poetic vocabulary in the Lezgin and English languages is carried out on the basis of the thematic groups. Similar features and fundamental differences of their poetic disposition are exposed. The differences in the poetic picture of the world reflect national and cultural peculiarities of the two peoples. The analysis confirms the existence of the ethnic marking of the lexical system on the whole.

Key words: *poetic vocabulary, semantic structure, national and cultural peculiarities, English and Lezgin languages.*

Взаимосвязь языка и культуры давно привлекает внимание ученых. Являясь не только важной составной частью и условием культуры, язык является и продуктом культуры. По своеобразию ментальности, а также по этни-

ческой языковой картине можно судить об общей картине мира.

Последнее время исследователей интересуют вопросы отражения в языке народа особенностей его национального характера, ментали-

тета, культуры, этнический аспект лексики. Так, по мнению О. А. Корнилова, наиболее отчетливо проглядывает национальное мировоззрение, мироощущение в устойчивых метафорах, народных пословицах и поговорках [12, с. 265]. Этническая маркированность лексической системы и ее единиц выявляется путем изучения и сопоставления не только отдельных лексических единиц, но и целых языковых полей, соответствующих фрагментам картины мира. В этом плане наиболее перспективным оказалось, в частности, изучение языка фольклора [14]. Такой же целостной системой, являющейся отражением этнического менталитета, является поэзия. В поэтической лексике преломляется представление народа о прекрасном, находят свое выражение эстетически и эмоционально возвышенные чувства.

Изучению поэтического языка дагестанских, в частности лезгинских, поэтов посвящено немало работ ученых-языковедов: Р. И. Гайдарова [6; 7], А. Г. Гольмагомедова [9] и многих других. Однако сопоставительные исследования поэтической лексики лезгинского языка с другими языками проводились лишь в единичных работах [2; 3], при решении других вопросов.

Настоящая статья посвящена изучению этнического аспекта лезгинской поэзии. Мы в своей работе исходили из того, что наиболее полное представление о национально-культурной семантике поэтической лексики лезгинского языка может дать ее сопоставление с соответствующей лексикой языка иных культурно-исторических традиций. В связи с неразработанностью в современном дагестановедении данная проблема является достаточно актуальной и представляет научный интерес.

Для создания общего фонда поэтической лексики нами использовались англо-русские и лезгинско-русские словари, содержащие стилистические пометы слова [1; 4; 5; 8; 10; 13; 15].

Несмотря на довольно распространенное мнение о том, что поэтизмы представляют наибольшую в количественном отношении груп-

пу слов, составленный нами фонд поэтической лексики выявил достаточную представимость данной лексики в обоих языках. В словарях английского языка обнаружено 630 слов с пометой «poet.», лезгинских слов и словосочетаний, имеющих помету «шиир.», насчитывается около 200 единиц. Устаревшая лексика составляет в обеих группах примерно десятую часть, что также противоречит существующему мнению, что поэтизмы в основном относятся к архаической лексике. Сходные данные были получены Э. А. Красновой при исследовании поэтической лексики немецкого языка: доля устаревшей лексики в поэтическом фонде составила 9,3% [11].

Подсчет заимствованной английской поэтической лексики нами не производился, так как, по данным того же автора, только на романские заимствования приходится до половины всех английских поэтизмов. При изучении происхождения лезгинских поэтических слов выяснено, что подавляющую часть их (около 90%) составляют заимствования из арабского, тюркского и персидского языков. Это подтверждает приводимые Э. А. Красновой данные в отношении тюркоязычной поэзии Средней и Малой Азии, где арабо-персидские заимствования составляют до 90% поэтического словаря, а на долю турецкого зачастую остается лишь вспомогательный глагол.

Применение методов системного анализа позволило выделить в составе поэтической лексики обоих изучаемых языков несколько тематических групп, т. е. групп слов, связанных общностью представлений. Мы согласны с мнением С. Д. Суняйкиной, что, несмотря на некоторый субъективизм, тематическая классификация поэтических слов позволяет выявить сферы глобальной картины мира, в номинации которых поэзия наиболее активна [16].

В своей работе мы придерживались трехкомпонентной классификации поэтизмов, предложенной Э. А. Красновой.

В первую группу, названную «Сферой человеческого», были включены поэтические наименования человеческих эмоций, занятий,

черт характера, а также жилье (жилище), обычаи и традиции, человеческий возраст, сон и бодрствование, география (страны, иностранцы, чужеземцы), предметы роскоши и еда. Подсчет выявил, что эта группа поэтизмов в обоих языках составляет большинство: свыше половины в английском и до 70% в лезгинском языках.

Вторая группа названа «Сферой природно-космического» и включает в себя явления природы (вода, земля, огонь, воздух), поэтические названия растений и животных, а также периоды времени. Эта группа составила пятую часть английских и восьмую часть лезгинских поэтизмов.

Третья — «Сфера «божественного, религиозного, таинственного» — оказалась самой малочисленной как для английского, так и для лезгинского языков.

Эти данные, свидетельствующие об активности поэзии в номинации определенного участка картины мира, позволили нам установить сходство английской и лезгинской поэтических традиций, в которых языковой приоритет принадлежит сфере человеческого, причем треть наименований этой сферы приходится на обозначение эмоций и черт человеческого характера. В отличие от этого в немецком поэтическом словаре, по данным С. Д. Суняйкиной, самой многочисленной группой является природно-космическая.

В лезгинском поэтическом словаре с эмоциями смыкаются черты характера и определения личностных характеристик. Для горести, печали, грусти существует 7 терминов, отличающихся оттенками: *гурса*, *гьам*, *сед*, *хифет*, *мусибат*, *гьижран*, *дерт* (в виде множества производных: *дертэгли*, *дердиниз дава*, *дерт ахъаюн*, *дерт галукьун*, *дерт гун*, *дердиникай хабар кьун*). Имеются поэтические эквиваленты названий и других эмоций, как негативных: *агьузар* 'стенание, плач', *адават* 'ненависть, вражда', *зейн авун* 'отрекаться', *даралмиш хьун* 'становиться безотрадным', *дар/сал хьун* 'тосковать', так и позитивных: *сархуш хьун* 'восторгаться, приходиться в экстаз', *саф хьун* 'очиститься', *ашкьи-гьавалу*, *гьава* 'приподнятое настроение, вдохновение' и т. д. Разнооб-

разно представлены черты характера: *бейнамус*, *бейкамал*, *бейгьейрат*, *бейвафа*, *кьудуз*, *мегьрибан*, *напак*, *сарбаз*, *сархуш*, *саф*, *сент*, *сугьул*, *хилаф*, *хуррам*, *бахтикъара* и др. Данная тематическая группа составляет пятую часть общего фонда поэтической лексики лезгинского языка, что несколько превышает тот же показатель английского языка.

В то же время при сопоставлении тематических групп поэтических словарей выявлены отличия в количественном и качественном составе, которые отражают различия круга поэтических интересов. Так, весьма важной (многочисленной и разнообразной) тематической группой английских поэтизмов являются море и морская тематика. Об этом свидетельствует, в частности, значительное количество поэтических наименований моря — это и большая вода, и разлив, и поток, и вздымающиеся волны, и бездна, и пена, и слезы (*billow*, *brine*, *flood*, *foam*, *main*, *profound*, *proud waters*, *tide*, *wallow*, *waves*, *water*, *whelm* etc). От нейтрального слова *sea* 'море' образованы следующие поэтизмы: *sea-born* 'рожденный морем', *sea captain* 'знаменитый мореплавец, флотоводец', *seafarer* 'моряк, мореплавец', *sea-girt* 'опоясанный морем'. Поэтизируются суда, корабли, части кораблей, морские профессии и реалии морского ландшафта, что вполне объяснимо тем, что Англия является крупной морской державой. В лезгинской же поэзии такая тематическая группа отсутствует, в связи с чем можно сделать вывод, что море, как водная стихия, а также большие водные пространства не поэтизируются. Поэтизмы, связанные с понятием «вода», в основном означают либо дождь (*абулейсан*), либо водные источники (*земзем*, *абузеззем*, *абукевсер*).

В английской поэтической лексике можно выделить и другие тематические группы, практически полностью отсутствующие в лезгинской поэзии: **власть и атрибуты власти** (эта многочисленная группа английских поэтизмов мало представлена в лезгинском поэтическом словаре), **война и военные действия** (в лезгинской поэзии представлены только три единицы: *кьушун* 'войско', *силагь* 'оружие' и *есирун* 'пленять', в то время как в английской поэзии

этот раздел насчитывает не менее 30 слов, включая различные поэтические названия оружия, техники: *horn* ‘оружие, меч’, *targe* ‘маленький круглый щит’, *dart* ‘дротик’, *spear* ‘копье’, *shaft* ‘копье, стрела’, *casque, helm* ‘шлем, каска’, *twibill* ‘алебарда’, *wain, wagon* ‘колесница’; воинских занятий и профессий: *warrior, warriorress* ‘воин, воительница’, *chieftain* ‘военачальник, полководец’, *spear* ‘копейщик’. В то же время в лезгинской поэзии присутствует небольшая тематическая группа «**знание, воспитание, образование**»: *arif* ‘знающий, мудрец’, *биллик* ‘знание, образование’, *талим* ‘воспитание’, *камал* ‘разум, разумный’, *бейкамал* ‘неумный, неразумный’, *шеле* ‘духовный багаж’ (перен.), которая скудно представлена в английском языке: *wis* ‘знать, ведать’, *bookless* ‘необразованный’, *artist for knowledge* ‘жаждущий знаний’.

Различие выявлено и в поэтизации отдельных профессий: в английском поэтическом словаре в списке профессий и занятий, как уже сказано, наибольший удельный вес занимают единицы, входящие в группу «**военное и морское дело**» (*pilot* ‘кормчий’, *sea captain* ‘капитан, флотоводец’, *seafarer* ‘моряк, мореплаватель’, *fisher* ‘рыбак’, *warrior, warriorress* ‘воин, воительница’, *spear* ‘копейщик’, *chieftain* ‘военачальник, полководец’ и др.), на втором месте – мирные профессии и занятия – поэтизируются поэзия, пение, музыка: *chant, descant* ‘пение, песня’, *chanter* ‘певец, певица, певунья’, *bard* ‘бард’, *skald* ‘скальд’, *swan* ‘бард, поэт’ и музыкальные инструменты: труба, рожок, горн, струна), занятия медика, ткача, пастушки и пастушка (*phillis, swain*), возницы (*wainer*), хранителя (*warden*). В лезгинской поэзии поэтизируются только занятия садовника (*багъман, багъбан*, ср. с нейтральным синонимом *багъманчи*), запевалы (*лек Луьн*), охотника (*сайяд*, ср. с нейтральным синонимом *гъурьчехъан*), а также исцелителя, чародея (*лукъман, т лебиб*).

Большую тематическую группу в лезгинском поэтическом словаре составляет группа, которую можно назвать «**Прекрасная возлюбленная**», насчитывающая 20 слов (10%), тогда как в английском поэтическом словаре таких слов всего 12 (2%). Одних только поэтических

синонимов любимой у лезгин насчитывается более 10 (*алагуъзли, алма, билбил, дарман, дилбер, кабач, кару, къелем, севдегуьм, якъут* и др.). Поэтическими идиомами стали словосочетания *таза жейран, женнетдин цуьк, женнетдин рейгъан* и др. Такие поэтические синонимы слова «красавица», как *алагуъзли, афат, баха, дилбер, гуьзел, къарагуьз, назани, суна, тават* и др., выражая общий смысл, несут дополнительную информацию, являясь не только более емкими по смыслу, но и более конкретными.

Э. А. Краснова, анализирующая в своей работе различные поэтические традиции, установила интересный факт, что в персидском каноне интенсификация свето-цветовых признаков составляет 31,8% всех возможных оценок, причем явное предпочтение отдается красному цвету (60% всех цветовых оценок). В английской поэзии также традиционно в **цветообозначении** преобладают оттенки красного цвета: *erythracan* ‘красный’, *rubious* ‘рубиновый’, *purple* ‘багряный’, *purpureal* ‘пурпурный, багряный’, *sanguine* ‘крово-красный’, *vermeil et vermillion* ‘киноварь, ярко-красный, алый’, *wine* ‘винноцветный’, *flush* ‘краски зари’, при нейтральном синониме *red*. Слово со значением ‘красный’ несет сложную информацию: это не только цвет жизни, любви, радости и красоты, но и олицетворение власти (царская порфира) и крови (окровавленный). На втором месте после красного идет черный цвет, в большинстве случаев имеющий коннотацию смерти, траура (*ebon et sable*) и темный, мрачный, имеющий коннотацию ‘тайный, таинственный, секретный’ и ‘мрачный, хмурый, угрюмый’ (всего 7 наименований). Третью позицию занимает тематическая синонимическая группа «яркий, сияющий, сверкающий, блестящий»: *lucid, fulgent, sheen, sun-bright*. Более редко встречаются другие цвета: *daffodil* ‘цвет бледно-желтого нарцисса’, *cerulean* ‘небесно-голубой, лазурный’, *virid* ‘зеленый’, *shrilly green* ‘ядовито-зеленый’.

Что касается особенностей цветообозначения в лезгинской поэзии, здесь также имеются поэтические синонимы со значением ‘сверкающий, сияющий, испускающий лучи, свет-

лый, лучезарный' (*нурани, ишигълаван*). В целом же, несмотря на наличие в лезгинском языке нескольких наименований красного цвета (*яру, ал, жегъре, зги*), ни одно из них не считается поэтизмом, как и названия любых других цветов, например синего и его оттенков (*аби, мичли аби, вили, индигъа, цавун ранг алай*). Черный цвет в лезгинской поэзии лишен коннотации мрачного, траурного, хотя в обыденной жизни имеет со-значение 'плохой, злой' (*члуав рикI алай кас* 'злой человек'). В отличие от английской поэзии, у лезгин есть поэтические наименования сложных цветов, не имеющие нейтральных синонимов: радужный, переливающийся (*алван-алван*) и разноцветный, четырехцветный (*дуртгуыл*), напоминающие русские фольклорные слова-колоративы *семицветный, самоцветный, цветной*. По мнению О. А. Петренко, это связано с наличием в цветообозначении, помимо денотативной семы, и семы оценки, в данном случае создающей ощущение предельно, сказочно красивого. У Етима Эмина можно встретить наименование сложного цвета, также отражающего позитивную сущность: *яру, цIару, гуьл-лукъ чит* (красный, пестрый, цветастый ситец). Поэтизмами в лезгинском языке считаются и эпитеты-цветообозначения с использованием субстантивов: *яру бубу хътин* 'румяный как маков цвет', *лампадин шувше хътин* 'белая, светлая, как стекло лампы'. Это явление отмечено и в английской народной поэзии: *lily-white* 'лилейно-белый', *milk-white* 'молочно-белый', *snowy-white* 'снежно-белый', *coal-black* 'угольно-черный'.

Этнические различия цветообозначения и цветовосприятия в лезгинской и английской поэзии интересно сравнить с результатами изучения этнических различий колоративной лексики английского и русского фольклора, полученными О. А. Петренко. В наименованиях английских колоративов, по ее мнению, чувствуется субстанциональность, а русский фольклорный менталитет за цветом видит смыслы, вследствие чего, по мнению автора, цветообозначение приобретает статус сущностной характеристики. Этнические различия максимальны в обозначении составных и

сложных цветов. В русском фольклоре наличествуют специфичные национальные концепты типа *лазоревоый, белазоревоый и белорозовый*, у которых нет иноязычного соответствия [14, с. 10]. В лезгинской поэтической лексике можно отметить черты, сходные как с английской (субстанциональность цветового мышления и цветообозначения), так и с русской поэзией (наличие специфичных национальных концептов-колоративов, а также информационно и эмоционально-оценочное восприятие цвета).

В английском поэтическом словаре представлена достаточно обширная тематическая группа «**Страны и их обитатели**», содержащая не менее 20 поэтических наименований стран: *Albion* 'Англия', *Cambria* 'Уэльс', *Caledonia* 'Шотландия', *Columbia* 'Америка', *Cathey* 'Китай', *Erin* 'Ирландия', *Occident* 'Страны Запада', *Orient* 'Страны Востока' и их жителей, что в целом не характерно для лезгинской поэтической традиции, хотя в ряде случаев в лезгинской поэзии мы встречаем древние названия стран, ставшие поэтизмами. Так, в стихах поэта XVIII в. Ихрек Режеба упоминаются арабские названия Египта (*Мисри* – «благодатный край»), Йемена (*Ямен*). У Етима Эмина, жившего в XIX в., также встречаются арабские наименования, ставшие поэтизмами: древнее название Сирии (*Шам*), Аравийского моря (*Омман*), сторон света: *магъриб* 'запад' (нейтральный синоним *рагъак Идай пад*), *маширик* 'восток' (нейтральный синоним *рагъ эжъеч Идай пад*), которые являются наследием арабских завоевателей. Как видно, ареал географических интересов лезгинской поэзии несопоставим с отраженным в английской поэзии, ведь лезгины достаточно долгое время находились в изоляции от окружающего мира и развивались по своим законам. Об этом, вероятно, свидетельствует достаточно низкая частотность поэтического употребления географических названий.

Проведен также сопоставительный анализ тематических групп «**Флора**» и «**Фауна**» обоих поэтических словарей, который выявил несовпадение поэтических пристрастий. Приведем в пример **мир птиц**. Обращает на себя внима-

ние поэтизация в лезгинской поэзии сокола как символа смелости и отваги (*лачин, тарлан, шангъар, къизилкъуш*, — при нейтральном синониме *кард*), а также коршуна (*талгу*, ср. с нейтральным синонимом *чалагъан*), соловья (*билбил*), голубки (*кару*). В английской классической поэтической лексике, напротив, отсутствуют или крайне низкочастотны наименования сокола (*falcon*), ястреба (*hawk*) и коршуна (*kite, black-kite*). Эти слова не отмечены поэтическим оттенком и скорее означают хищников, в то время как поэтизируются «мирные» птицы: ласточка (*progne, swallow*), дрозд (*merle, marvis, blackbird, thrush*), жаворонок (*lark*), пташка (*fowl*). При сравнении орнитонимов, употребляющихся в народно-поэтической лексике лезгинского и английского фольклора, выявлены следующие совпадения: соловей (*билбил — nightingale*), сова (*байкъуш — owl*), голубка (*кару — dove, turtle dove*), ласточка (*чубарук — progne, swallow*). Слово *байкъуш* (ср. с нейтральным синонимом *тлуб*) в лезгинской поэзии несет коннотацию ‘птица смерти’, ‘вечно плачущий’. Слова *кару* ‘голубка’ и *билбил* ‘соловушка’ являются синонимами слова «любимая», а *билбил* также употребляется по отношению к ребенку. Слово *чубарук* ‘ласточка’ — символ весны и нового начала. Поведение же птиц в английской поэзии связано с их биологической природой и не воспринимается с эмоциональной точки зрения, поэтому не приводит к синонимизации. Данные наблюдения укладываются в концепцию О. А. Петренко об этническом своеобразии отбора и функционирования языковых единиц, означающих одни и те же концепты. Изучая семантику и прагматику английских и русских фольклорных орнитонимов, автор приходит к выводу, что птицы в языке русского фольклора отчетливо антропоморфны, воплощают одну из ипостасей человека, функционируя как метафора или символ. Преобладание эмоционально-оценочного над номинативным приводит к тотальной взаимозаменяемости орнитонимов, когда невеста — это и лебедушка, и пава, и утушка, и перепелка. В английской лирике мир птиц с миром человека не сливается, воспринимаясь не

эмоционально-оценочно, а эстетически-оценочно, в чем и состоит одно из принципиальных отличий английского поэтического взгляда на мир от русского [14, с. 12]. Поддерживая этот вывод, можно отметить определенную близость лезгинского поэтического взгляда к восприятию мира, данному в русском фольклоре.

В целом при сопоставлении поэтических слов с нейтральными синонимами в большинстве случаев можно отметить, что поэтическое слово по смыслу более емкое, более общее, чем любое другое слово синонимического ряда. Это свойство можно назвать богатством его коннотативного содержания с разнообразием контекстуальных оттенков. В качестве примера можно привести следующие поэтизмы: *ариф* ‘знающий, сведущий; знаток, мудрец’, *талим* ‘воспитание, образование, обучение’, или *чеменлук* ‘сенокосный луг, поле’, поэтизм *чил* означает одновременно почву, землю и родину. Такое же явление отмечено и в английском языке: английские поэтизмы *lea* ‘луг, поле’, *mead* ‘луг’, *weald* ‘поля, луга, простор’ — значительно шире, чем нейтральные синонимы *meadow* ‘луг’, *field* ‘поле’.

В составе лезгинского поэтического словаря отмечены слова-универбы, которые не имеют полных аналогов-синонимов, и смысл их можно передать лишь приблизительно, описательным способом, путем перечисления неполных синонимов. К ним относятся такие слова, как *абулейсан, абузезем, гульушан, гульчимен, гъава, зар-зиба, земзем, ашкъи-гъавалу* и некоторые другие, в основном касающиеся природных явлений, возвышенных чувств и объектов мифологии. В английском языке были найдены кальки поэтизмов, заимствованных из арабского языка, имеющие аналоги в лезгинском: так, например, лезгинское слово *гъезел* ‘газель (форма стихотворения)’ — соответствует английскому *ghazal (gazel)* и *гъурри* ‘гурия, райское создание’ — *hourî*.

Выявлено множество поэтизмов лезгинского языка, одновременно являющихся именами собственными: *Адил, Гуьл, Гуьзел, Жейран, Женнет, Жамал, Камал (Камил), Мурад, Мухабат, Мегърибан, Суна, Тават* и многие другие.

Полисемантическое слово *gava*, в одном из значений считающееся поэтизмом, одновременно является женским именем (Хава), сходным по звучанию с библейским именем Ева (в английском языке таким именем является *Eve*, поэтический смысл «вечер»). При этом другие лезгинские имена не считаются поэтизмами: *Азиз*, *Аслан*, *Марал*, *Гъалиб*, *Майил*, *Къадир*, *Варз*, *Цийиварз* и т. д. Общая закономерность в данном вопросе, на наш взгляд, такова: слово приобретает статус имени собственного через поэтизацию понятия, которое символизирует, однако в последующем имя может утратить поэтическое значение. Можно высказать мысль, что в любом случае явление фиксации слова в качестве имени собственного означает если не приобретение им статуса поэтизма, то, несомненно, наличие поэтического оттенка значения: *Гъалиб* ‘победа’, *Гъасрет* ‘страсть, желание’, *Муъмин* ‘благочестивый’, *Марал* ‘лань, изящная’, *Илгъам* ‘страсть, вдохновение’ и т. д. Возможно, включение подобных слов в состав поэтической лексики и образование на их основе имен собственных — это два параллельных процесса, происходящих по своим законам, пока еще не совсем для нас ясным.

Выводы

1. Анализ поэтической лексики лезгинского и английского языков выявил совпадение тенденций образования поэтической лексики. Несмотря на преобладание в поэтическом фонде нейтральных, общеупотребительных слов, стилевое своеобразие лексическому составу придает наличие поэтизмов. Основным источником образования поэтизмов являются заимствованные слова, доля архаической лексики в обоих языках не превышает десятой части общего словарного списка поэтических слов, диалектизмы не играют существенной роли. Это согласуется с мнением большинства исследователей, изучающих поэтическую лексику: при выборе поэтического варианта слову в общем употреблении противопоставляется слово заимствованное или (реже) диалектное.

2. Изучение семантики поэтической лексики лезгинского языка путем сопоставления с лексикой английской поэзии позволило выя-

вить сходные черты и различия, связанные с географическими, ментальными и историческими, т. е. с этнокультурными, особенностями двух народов. Сопоставление лексики тематических групп лезгинской и английской поэзии, отражающих определенные фрагменты поэтической картины мира, позволило нам подтвердить мнение об этнической маркированности лексической системы языка в целом. Так, по количеству наименований слова тематической группы «Сфера человеческого» преобладали в обоих поэтических словарях, что свидетельствует о совпадении поэтических интересов двух народов.

Этнический аспект поэтической лексики состоит, на наш взгляд, в наличии национально специфичного угла зрения на весь фрагмент поэтической картины мира. Лексика английской поэзии отражает большую степень интровертности мышления и индивидуализма. Окружающий мир воспринимается изнутри, с точки зрения его эстетической и информационной ценности, что подтверждено нами на примере мира птиц и особенностей цветоощущения. Во главу угла ставится сам воспринимающий человек и его рефлексирующее сознание, любовь к самому себе. Принципиально отличается поэтический взгляд лезгинской поэзии: его восприятие окружающего мира более эмоционально, экстравертно и позитивно, так как человек познает себя и свой внутренний мир через изучение других людей и реалий внешней среды, ощущая себя ее частью (отсюда поэтизация любви, любимой, любовь к знаниям, преклонение перед образованием; символизация представителей животного мира и синонимизация их поэтических наименований с чертами человеческого характера). У английской поэзии несколько иные приоритеты: это любознательность, желание расширять свой кругозор, в первую очередь путем путешествий, странствий, в чем видится главная романтика английской классической поэзии. Важное место в списке поэтических интересов занимает тема власти и войны как средства достижения своих политических амбиций и как отражение духа состязательности.

3. Наличие в составе лезгинской поэтической лексики слов-универбов также отражает существование национально-специфичных концептов, характерных только для лезгинского поэтического мышления. Подобное явление отмечено и в русском песенном фольклоре.

4. При формировании поэтической лексики значительная роль принадлежит обобщению и метафоризации, т. е. повышается образность слова с расширением смысла и области применения. Одновременно с этим отмечают-

ся и противоположные явления: конкретизация, уточнение смысла или эстетического воздействия. Это приводит к появлению новых эмоционально-экспрессивных компонентов значения поэтических слов. На примере поэтической лексики лезгинского языка можно утверждать, что метафорически-образный смысл или оттенок смысла поэтических слов приводит к образованию на их основе имен собственных. Признание факта фиксации в именах собственных поэтического содержания ведет к новому осмыслению поэтизмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
2. Петренко О. А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1996.
3. Гайдаров Р. И. Язык и поэтика Стальского. Махачкала, 1995.
4. Гайдаров Р. И. Введение в эминоведение. Махачкала, 2001.
5. Гюльмагомедов А. Г. Действительность Эмина: Словарь языка. Махачкала, 1998.
6. Баранникова Т. Б. Стилистические синонимы: принципы и методы исследования. Махачкала, 2005.
7. Баранникова Т. Б. Стилистическая синонимия в лексике разносистемных языков: лезгинского, русского, английского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2006.
8. Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под ред. И. Р. Гальперина. М., 1972.
9. Большой англо-русский словарь / Под общ. рук. А. И. Смирницкого. М., 2001.
10. Англо-русский словарь / Под ред. В. К. Мюллера. 23-е изд., стер. М., 1990.
11. Лезгинско-русский словарь / Сост. Б. Талибов и М. Гаджиев; Под ред. Р. Гайдарова. М., 1966.
12. Гюльмагомедов А. Г. Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала, 1982.
13. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка: В 2 т. Махачкала, 2003, 2005.
14. Селимов А. А. Словарь ориентализмов лезгинского языка. Махачкала, 2001.
15. Краснова Э. А. Формирование поэтического словаря: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
16. Суняйкина С. Д. Поэтизмы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2001.